

из основных движущих сил в процессе распада государства Корё и формировании основ государства Чосон.

⁴ 宋在倫. 朱熹 禮學의 思想의 形式. 석사학위논문. 고려대학교, 1985. (Сон Чэ Рюн. Идеологическая форма науки об этикете Чжу Си: Магистерская диссертация. Университет Корё, 1985). С. 90.

⁵ 조현규. 한국전통윤리사상의 이해. 서울, 2002. (Чо Хён Гю. Понимание корейских традиционных этических идей. Сеул, 2002). С. 75.

⁶ 李吉杓. 家禮를 통해서 본 韓國人의 意識構造 研究. 석사학위논문. 고려대학교. 1982. (Ли Гиль Пхё. Исследование структуры сознания корейцев, отраженном в трактате «О семейном благочестии»: Магистерская диссертация. Университет Корё, 1982). С. 83.

⁷ Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 51–52.

⁸ Там же.

⁹ Таннэ (당내 (堂內))досл. «внутри храма», название патронимической группы, объединявшей четыре восходящих поколения и четыре боковые линии, именно они являлись основным структурным элементом родовой системы.

¹⁰ Конрад Н. И. Указ. соч.

И.В. Стасевич

Развод в традиционной правовой системе казахов

Вопрос о степени влияния шариата на традиционную юридическую практику кочевых народов Центральной Азии принадлежит к числу спорных. Кочевники по решению семейно-брачных дел в одних случаях обращались в суды биев (с 1886 г. – в народные суды), а в других случаях – в суды знатоков шариатного права – казиев. Однако, как показывают источники, суды казиев не получили широкого распространения среди казахов и более популярными как до присоединения региона к России, так и после оставались суды биев и выборных народных судей.

Мощным стимулом против внедрения норм шариата в традиционную правовую систему кочевников стали положения адата – закрепленные веками традиции, защищающие приоритет интересов семейно-родственной группы над интересами индивида. В первую очередь это касается системы наследования имущества. Нормы адата гарантировали защиту семейного имущества от раздробления в случае смерти главы семьи или развода супругов, закрепляя приоритетное право на все семейное имущество за родственниками покойного по мужской линии, а при разводе – за мужем. Это означало, что в течение всей своей жизни женщина не имела прав собственности. Женщины, находящиеся в браке, а также вдо-

вы в случае отсутствия супруга или до совершеннолетия сыновей могли временно управлять, но не владеть семейным имуществом.

Поводы к разводу супругов были различными. Развод совершался и по взаимному согласию, и по требованию одной из сторон. Но в любом случае главная проблема, возникавшая при разводе, – решение вопроса о возврате мужу калыма и о выделении некоторой материальной компенсации жене.

Н.И. Гродеков отмечал, что «в подражание шариату, адат допускает *акымар* (*катыннын еншиісі* – каз.), имущество, определяемое в пользу жены, на случай развода. *Акымар* может состоять в скоте, в недвижимости и в деньгах»¹. Подобно *махру* (имуществу, выделяемому по шариату мужем жене при заключении брака и являющемуся ее собственностью), *акымар* невесты оговаривался до заключения брачного союза, однако никакими документами не заверялся, и впоследствии эта часть имущества не отделялась от общесемейного. Таким образом, женщина не получала прав личной собственности на имущество, как это следует по шариату, и при разводе не имела гарантированных прав на получение *акымара*. Его выдача зависела исключительно от воли мужа и его родственников. Кроме того, материалы Н.И. Гродекова главным образом относятся к юридической системе южных казахов, которые в отличие от других кочевников имели прочные политические, экономические и культурные связи с городскими центрами и достаточно рано подверглись исламизации. Уже в X в. ислам утвердился среди оседлого населения Семиречья и на Сырдарье. Поэтому влияние норм шариата на обычное право казахов именно в этом районе ощущалось наиболее сильно. Практика выплаты *акымара* была локальным явлением и не получила широкого распространения среди кочевого населения степей – она не была зафиксирована ни у других групп казахов, ни у киргизов.

Правда, у кочевников женщина имела право на содержание со стороны мужа. Одним из поводов для расторжения брака являлся отказ в содержании жены в течение 6 месяцев и 13 дней². Однако это положение не подразумевало право личной собственности жены на семейное имущество.

Несмотря на то, что после развода дети, как правило, оставались в семье мужа, женщина могла рассчитывать на некоторую материальную компенсацию от бывшего супруга. После заключения брака муж имел полное право распоряжаться имуществом своей жены, но после развода, был обязан возвратить «все ей собственно принадлежащее», то есть те немногочисленные вещи, которые находились в личной собственности женщины³. Личным имуществом женщины считался свадебный головной убор, некоторые украшения, один из костюмов, данный в приданое, и кровать с постель-

ными принадлежностями. Все это были вещи, составляющие часть приданого; в случае смерти женщины ее родственники получали их как память об умершей. Остальное движимое и недвижимое имущество, составлявшее приданое женщины, сразу после заключения брака переходило во владение мужа и его родни и распределялось среди тех, кто участвовал в сборе средств для выплаты калыма.

Если развод совершался по вине мужа, а его благосостояние позволяло без ущерба для хозяйства выделить прежней жене одну оседланную лошадь и верблюда, то он мог это сделать – снабдить женщину необходимым минимумом на первое время, позволяющим ей добраться до своих родителей или родственников ее потенциального нового мужа. Однако это положение основывалось исключительно на желании самого мужчины и не было обязательным правилом. Часто муж выделял жене сумму денег на одежду и самые необходимые вещи из того калыма, который возвращала ему родня жены. Известны случаи, когда муж получал не весь калым, а имущество, составляющее разность между уплаченным калымом и приданым⁴.

Женщина теряла право даже на свое приданое, не говоря уже о прочем имуществе, в случае если муж застигал ее с любовником⁵. Такую жену муж имел полное право обвинить в прелюбодеянии и прогнать к родителям, лишив всех прав не только на имущество, но и на детей.

Известны случаи, когда при разводе муж выделял жене достаточно большую часть семейного имущества. Но так поступали мужчины, дети которых оставались с их прежними женами. При таких обстоятельствах, женщина должна была вернуться к своим родителям и пообещать, что до конца жизни останется одинокой и не выйдет замуж⁶. Эта ситуация показывает, что имущество выделялось мужем не самой женщине, а детям, которые при достижении совершеннолетия вступали в права наследников. Запрет же на новое замужество женщины должен был оградить наследников от притязаний супруга матери – их отчима.

Иногда после развода дети распределялись между супругами: девочки уходили с матерью, а мальчики оставались в семье отца. В этом случае, муж не требовал возврата калыма, но оставлял за собой право удержать имущество, входящее в приданое жены⁷. При этом после заключения брака дочерей калым поступал в пользу семейно-родственной группы мужа.

Таким образом, при разводе женщина, как правило, получала лишь некоторую минимальную материальную компенсацию, которая обычно выделялась из возвращаемого за нее калыма, и получила права на управление частью имущества мужа только при на-

личии у нее детей мужского пола, оставленных мужем при ней после развода. Но были прецеденты, когда суд биев, поддерживая влиятельную группу родственников мужа, наоборот присуждал женщине и ее родне в добавление к возвращаемому калыму уплатить в пользу ее бывшего супруга штраф или сумму, потраченную мужем на жену во время их совместного проживания; в подобном случае жена при разводе не получала никакого имущества⁸. Однако если суд доказывал вину мужа, то тот не имел права требовать возврата калыма и довольствовался удержанием приданого своей жены⁹.

Анализ правовых основ развода демонстрирует, что развод, как и брак, не был личным делом супругов. Вопросы, связанные с передачей или удержанием имущества, решались на уровне двух семейно-родственных групп – семьи мужа и родственников жены.

Одним из распространенных поводов для развода и многоженства было бесплодие женщины, что рассматривалось, с точки зрения носителей традиции, как отклонение от закрепленного обычаям брачного стандарта и ставило как женщину, так и мужчину в позицию нарушителей норм общепринятого поведения. Бесплодие женщины становилось причиной понижения статуса семьи в обществе и требовало исправления ситуации – мужчина должен был привести в семью новую женщину, способную родить ребенка. Мужчина мог развестись с бесплодной женой, или, если позволяло материальное положение, жениться повторно, оставив бесплодную жену в доме в качестве прислуги или помощницы для молодой жены.

После развода и урегулирования всех имущественных исков женщина получала юридическую свободу и могла перейти на житье к своим родителям или другим родственникам, а также выйти замуж по своему желанию, не советуясь с родственниками мужа, как это бывало в случае смерти супруга. Следуя закону, разведенная женщина, как и вдова, имела право выходить замуж неограниченное число раз. Однако зафиксированы случаи, когда право левирата действовало и при разводе – при наличии физических недостатков мужа его родня могла потребовать, чтобы женщина вышла замуж за кого-либо из его родственников¹⁰.

***

¹ Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889. Т. 1. Юридический быт. С. 91.

² Загряжский Г. Кара-киргизы // Туркестанские ведомости. Ташкент, 1876. № 1; Козлов И. А. Обычное право киргизов // Памятная Книжка Западной Сибири. Омск, 1882. С. 333.

³ Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в малой киргизской орде силу закона // ЗОО РГО. Казань, 1871. Вып. 2. С. 91; Загряжский Г. Указ. соч. С. 159.

⁴ ЦГА РК ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 12. 1879-1888 гг. Дело о народных обычаях в Семиреченской области. Собранные сведения полковниками Метелицыным и Изразцовым.

⁵ Баллюзек Л.Ф. Указ. соч. С. 90-91; Козлов И. А. Указ. соч. С. 333; Жакипова А. Развитие семейно-брачных отношений в Казахстане. Алма-Ата, 1971. С. 61.

⁶ Маковецкий П. Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Омск, 1886. Вып. 1. С. 23; ЦГА РК ф. 62, оп. 1, д. 5089, л. 145. 1891-1892 гг. Сведения, касающиеся религии и быта татар, киргиз, дунган, таранчей и сартов, представленные Начальниками по предложению Канцелярии.

⁷ ЦГА РК, ф. 64, оп.1, д. 4236, л. 12, л. 23; ЦГА РК ф. 4, оп. 1, д. 401. Дело о командировании чиновника особых поручений Пограничной комиссии Д?Андре в Казахскую степь для сбора материалов (черновые записи).

⁸ Гродеков Н. И Указ. соч. С. 116-127.

⁹ ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 4236, л. 13.

¹⁰ ЦГА РК, ф.64, оп.1, д. 5089, л. 83.

О.Б. Степанова

О символике цветов в мифологической картине мира селькупов

У селькупов, как и других сибирских народов, приклады – полоски ткани, которые вешают на жертвенные деревья, по своему назначению распределяются следующим образом: белые принадлежат верхнему миру, красные – земле, черные – подземному, нижнему миру¹. На селькупских бубнах красной краской маркируется надземный мир, а черной – нижний².

Но, если рассматривать ранние представления селькупов о мире, оказывается, что божество *Кызы* – владыка нижнего мира, маркируется красным цветом. На рисунке селькупа, изображающем камлание шамана, *Кызы* идет из нижнего мира со своим войском - «кровавых людей полчищем» («объединением разнородных людей»)³. Эти красные люди – неселькупы - живут по берегам красного моря⁴.

С нижним миром у селькупов связывал себя род Кедровки – *Кассиль куп*. В церемонии оживления бубна, описанной Прокофьевым, возвращаясь из «путешествия» в верхний мир, люди рода Кедровки делают поворот против солнца⁵. Обход чего-либо против